

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

ШКОЛА

ЖУРНАЛЪ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ,

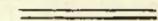
ИЗДАВАЕМЫЙ

Гр. Л. Н. Толстымъ.

Glaubst zu schieben und wirst geschoben.

1862.

А П Р Ъ Л Ъ .

МОСКВА.

Типографія Каткова и К^о.

АНТОП ВАНОВ

АНОШ

ЖУРНАЛЪ ПЕДАГОГИЧЕСКІИ

ИЗДАНИЕ

№ 1. 1862 г.

1862

АНРА

Одобрено цензурою въ Москвѣ, 22 мая 1862 г.

Издатель: Типографія Восточнаго Университета

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „Ясной Поляны“ убѣждена, что одно изъ самыхъ образованныхъ и плодотворно-дѣятельныхъ сословій русскаго общества, сословіе педагоговъ: директоровъ гимназій, учителей гимназій, уѣздныхъ, приходскихъ и частныхъ училищъ и церковно-служителей, занимающихся школами, владѣеть огромнымъ запасомъ, особенно драгоцѣнныхъ въ настоящее время, педагогическихъ фактовъ, наблюденій и выводовъ опыта, которые, бывъ обнародованы, не только принесутъ неизмѣримую пользу для самаго хода образованія и для науки педагогіи, но которые одни разрѣшатъ окончательно тѣ безчисленные вопросы по народному образованію, которые въ настоящее время столь законно занимаютъ наше общество.—Только на этихъ фактахъ, наблюденіяхъ и выводахъ, а не на кабинетныхъ теоріяхъ, можетъ построиться

зданіе нашего будущаго народнаго образованія.

Редакція „Ясной Поляны“ сочла бы себя счастливою и только тогда твердо была бы увѣрена въ своей пользѣ и значеніи, еслибы съ разныхъ сторонъ Россіи люди искренно преданные дѣлу народнаго образованія избрали журналъ „Ясная Поляна“ для заявленія требованій учителей, учениковъ и родителей, для заявленія тѣхъ препятствій въ дѣлѣ народнаго образованія, съ которыми приходится имъ сталкиваться, и вообще для заявленія всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые могутъ служить матеріалами для развитія опытной педагогіи.

Несмотря на то, что редакція имѣетъ свой опредѣленный взглядъ на народное образованіе, выраженный въ вышедшихъ книжкахъ журнала, всѣ статьи безъ различія направленій сочтутся драгоценными приобрѣтеніями, если только они будутъ отраженіями и заявленіями дѣйствительности. Достоинство статей педагогическаго журнала заключается, по нашему убѣжденію, преимущественно: въ богатствѣ, новизнѣ фактовъ и въ характерѣ простоты, правдивости и неофициальности ихъ изложенія.

Редакція „Ясной Поляны“ покорно проситъ гг. директоровъ гимназій, штатныхъ смотрителей, учителей гимназій, уѣздныхъ, приход-

скихъ и частныхъ училищъ и церковно-служителей присылать свои статьи по слѣдующимъ отдѣламъ:

1) **О**писаніе опытовъ, новыхъ пріемовъ преподаванія по грамотѣ, языку, математики, исторіи и географіи, землемѣрію, рисованію, пѣнію, закону Божію и естественныхъ наукъ. (Искреннее описаніе опыта со всеми колебаніями, измѣненіями, неудачами и ошибками гораздо поучительнѣе и дороже для науки чѣмъ изложенія будто бы непогрѣшимой методы.)

2) **О**бъ опытахъ, новыхъ способахъ управленія учениками и администраціи училищъ. Наблюденія надъ вліяніемъ наказаній и наградъ.

3) **О** способахъ и случаяхъ свободнаго внѣшкольнаго образованія. Наблюденія надъ приложеніями и дальнѣйшимъ развитіемъ знаній, выносимыхъ изъ школъ учениками.

4) **О** поразительныхъ неуспѣхахъ преподаванія и о причинахъ такихъ неуспѣховъ, какъ зависящихъ отъ устройства училищъ, такъ и отъ личныхъ недостатковъ преподавателей.

5) **О** книгахъ, имѣющихъ успѣхъ между учениками и вообще между народомъ и сужденія о нихъ учениковъ и вообще народа.

6) Характеристики какъ цѣлыхъ училищъ, такъ и отдѣльныхъ поразительныхъ особен-

ными типическими недостатками или достоинствами, учителей и учениковъ.

7) Объ отношеніяхъ родителей учениковъ къ дѣтямъ, къ учителямъ, и о требованіяхъ родителей отъ образованія.

8) Описанія возникновенія и развитія школъ и библиотекъ и вообще всѣ тѣ статьи, которыя входятъ въ программу „Ясной Поляны“ какъ то: критики народныхъ и дѣтскихъ книгъ на основаніи опыта, передѣлки и оригинальныя произведенія, провѣренныя опытомъ и доступныя народу.

Плата за статьи назначается отъ 30 до 100 р. сер. Статьи неудобныя для напечатанія не возвращаются.

Редакція проситъ до 1 августа присылать статьи въ Москву, студенту университета Василию Михайловичу Попову, а послѣ этого срока въ Тулу, въ Ясную Поляну, на имя Графа Льва Николаевича Толстаго.

Редакторъ и издатель гр. Л. Н. Толстой.

ЯСНО-ПОЛЯНСКАЯ ШКОЛА ЗА НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ МѢСЯЦЫ.

(Продолженіе.)

Рисованіе и пѣніе. Въ отчетѣ за ноябрь и декабрь мѣсяцы Яснополянской школы предстоятъ мнѣ теперь два предмета, имѣющіе отъ всѣхъ другихъ совершенно отличный характеръ, — это рисованіе и пѣніе—искусства.

Не будь у меня взгляда, состоящаго въ томъ, что я не знаю чему и почему нужно учить тому или другому, я долженъ былъ бы спросить у самого себя: полезно ли будетъ для крестьянскихъ дѣтей, поставленныхъ въ необходимость проживать всю жизнь въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, полезно ли будетъ для нихъ и къ чему имъ искусства? ⁹⁹/₁₀₀ на этотъ вопросъ отвѣтятъ и отвѣчаютъ отрицательно. И нельзя отвѣтить иначе. Какъ скоро поставленъ такой вопросъ, здравый смыслъ требуетъ такого отвѣта: ему не быть художникомъ, ему надо пахать. Если у него будутъ художнческія потребности, онъ не въ силахъ будетъ нести ту упорную безустальную работу, которую ему надобно нести, которую ежели бы онъ не несъ, не мыслимо бы было существованіе государства. Говоря *она*, я разумью дитя народа. Дѣйствительно это безмыслица, но я радуюсь этой безмыслицѣ, не останавливаюсь передъ нею, а стараюсь найти причины ея. Есть другая болѣе сильная безмыслица. — Это самое дитя народа, каждое дитя народа имѣетъ точно такія же права — что я говорю — еще большія права на наслажденія искусства;

чѣмъ мы дѣти счастливаго сословія, не поставленныя въ необходимость того безъустальнаго труда, окруженныя всеми удобствами жизни.

Лишить его права наслажденія искусствомъ, лишить меня— учителя права ввести его въ ту область лучшихъ наслажденій, въ которую всеми силами души просится все его существо— еще большая бессмыслица. Какъ примирить эти двѣ бессмыслицы? Это не лиризмъ, въ чемъ упрекали меня по случаю описанія прогулки въ 1 №, — это только логика. Всякое примиреніе не возможно и есть только самообманываніе. Скажутъ и говорятъ: если ужъ нужно рисованіе въ народной школѣ, то можно допустить только рисованіе съ натуры, техническое, приложимое къ жизни: рисованіе сохи, машины, постройки; рисованіе только какъ вспомогательное искусство для черченія. Такой обыкновенный взглядъ на рисованіе раздѣляетъ и учитель Яснополянской школы, отчетъ котораго мы представляемъ. Но именно опытъ такого преподаванія рисованія убѣдилъ насъ въ ложности и несправедливости этой технической программы. Большинство учениковъ, послѣ 4-хъ мѣсяцевъ осторожнаго исключительно технического рисованія, въ которомъ исключено было всякое срисовываніе людей, животныхъ, пейзажей, кончило тѣмъ, что значительно охладѣло къ рисованію техническихъ предметовъ и до такой степени развило въ себѣ чувство и потребность къ рисованію какъ искусству, что завело свои потаенныя тетрадки, въ которыхъ рисуешь людей, лошадей со всеми четырьмя ногами, выходящими изъ одного мѣста. То же самое въ музыкѣ.

Обыкновенная программа народныхъ школъ не допускаетъ пѣнія далѣе хороваго — церковнаго и точно также — или это есть самое скучное мучительное для дѣтей заучиванье — производить извѣстные звуки, т. е., что дѣти дѣлаются и разсматриваются какъ горла, замѣняющія трубочки органа, или развивается чувство изящнаго, находящее удовлетвореніе въ балалайкѣ, гармоникѣ и часто безобразной пѣснѣ, которыхъ не признаетъ педагогъ, и въ которыхъ не считаетъ уже нужнымъ руководить учениковъ. Одно изъ двухъ: или искусства вообще вредны и не нужны, что совсѣмъ не такъ странно какъ кажется съ 1-го

взгляда, или каждый безъ различія сословіи и занятій имѣеть не него право и право вполне отдаться ему на томъ основаніи что искусство не терпитъ посредственности.

Безсмыслица не въ томъ, безсмыслица въ самомъ постановленіи такого вопроса, какъ вопросъ: имѣють ли дѣти народа право на искусства? Спросить это точно то же, что спросить: имѣють ли право дѣти народа ѣсть говядину, т. е. имѣють ли право удовлетворять свою человѣческую потребность. Вопросъ не въ томъ, а въ томъ хороша ли та говядина, которую мы предлагаемъ и которую мы запрещаемъ народу. Точно также какъ предлагая народу извѣстныя знанія, въ нашей власти находящіяся, и замѣчая дурное вліяніе, производимое ими на него, я заключаю не то, что народъ дуренъ, оттого что не принимаетъ этихъ знаній, не то что народъ не едоросъ до того, чтобы воспринять и пользоваться этими знаніями также какъ и мы, но то, что знанія эти не хороши, ненормальны и что намъ надо съ помощью народа выработать новыя, соотвѣтственныя всѣмъ намъ, и обществу и народу, знанія. Я заключаю только, что знанія эти и искусства живутъ среди насъ и кажутся не вредными намъ, но не могутъ жить среди народа и кажутся вредными для него только потому, что эти знанія и искусства не тѣ, которыя нужны вообще, а что мы живемъ среди ихъ потому только, что мы испорчены; потому только, что безвредно сидящіе пять часовъ въ зараженномъ воздухѣ фабрики или трактира не страдаютъ отъ того самаго воздуха, который убиваетъ вновь пришедшаго свѣжаго человѣка.

Скажутъ: кто сказалъ, что знанія и искусства нашего образованнаго сословія ложны? почему изъ того, что народъ не воспринимаетъ ихъ, вы заключаете о ихъ ложности? Всѣ вопросы разрѣшаются весьма просто: *потому что насъ тысячи, а ихъ миллионы.*

Продолжаю сравненіе съ извѣстнымъ физиологическимъ фактомъ. Человѣкъ съ свѣжаго воздуха приходитъ въ накуренную, надыщенную низкую комнату; всѣ жизненныя отправления его еще полны, организмъ его посредствомъ дыханія питался большимъ количествомъ кислорода, который онъ бралъ изъ чистаго воздуха. Съ той же привычкой организма онъ начинаетъ ды-

шать въ зараженной комнатѣ; вредные газы сообщаются крови въ большомъ количествѣ, организмъ ослабѣваетъ (часто дѣлается обморокъ, иногда смерть). Между тѣмъ какъ сотни людей продолжаютъ дышать и жить въ томъ же зараженномъ воздухѣ только потому, что всѣ отправления ихъ сдѣлались незначительнѣе, они, другими словами, слабѣе, меньше живутъ.

Ежели мнѣ скажутъ: живутъ какъ тѣ, такъ и другіе люди, и кто рѣшить чья жизнь нормальнѣе и лучше. Какъ съ человекомъ, выходящимъ изъ зараженной атмосферы на чистый воздухъ, дѣлается часто обморокъ, такъ и наоборотъ. Отвѣтъ легкокъ для физиолога, и вообще для человѣка съ здоровымъ смысломъ, который скажетъ только гдѣ больше живетъ людей — на чистомъ воздухѣ или въ зараженныхъ тюрьмахъ — и послѣдуетъ большинству; а физиологъ сдѣлаетъ наблюденія надъ количествомъ отравленій того и другаго и скажетъ, что отравленія сильнѣе и питаніе полнѣе у того, который живетъ на чистомъ воздухѣ.

То же самое отношеніе существуетъ между искусствами такъ называемаго образованнаго общества и между требованіями искусства народа: я говорю и о живописи, и о ваяніи, и о музыкѣ, и о поэзіи. Картина Иванова возбудитъ въ народѣ только удивленіе передъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудитъ никакого ни поэтического, ни религіознаго чувства, тогда какъ это самое поэтическое чувство возбуждено лубочной картинкой Юанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ (*). Венера Милосская возбудитъ только законное отвращеніе передъ наготой, передъ наглостью разврата — стыдомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится неприятнымъ шумомъ интереснымъ развѣ только потому, что одинъ играетъ на большой дудкѣ, а другой на большой скрипкѣ. Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотво-

(*) Мы просимъ читателя обратить вниманіе на эту уродливую картинку замѣчательную по силѣ религіозно—поэтического чувства, относящуюся къ современной русской живописи такъ, какъ относится живопись Fra Beato Angelico къ живописи послѣдователей Микель-Анджеловской школы.

рение Пушкина, представится наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками. Введите дитя народа въ этотъ мѣръ, вы это можете сдѣлать и постоянно дѣлаете посредствомъ іерархіи учебныхъ заведеній, академій и художественныхъ классовъ, онъ прочувствуетъ и прочувствуетъ искренно и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но войдя въ этотъ мѣръ, онъ будетъ дышать уже не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ охватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выдти на него. Какъ въ дѣлѣ дыханія здоровый смыслъ и физиологія отвѣтять одно и то же, такъ въ дѣлѣ искусствъ тотъ же здоровый смыслъ и педагогія (не та педагогія, которая пишетъ программы, но та, которая пытается изучить общіе пути образованія и законы) отвѣтять, что живетъ лучше и полнѣе тотъ, кто не живетъ въ сферѣ искусствъ нашего образованнаго класса, что требованія отъ искусства и удовлетвореніе, которое даетъ оно, полнѣе и законнѣе въ народѣ чѣмъ у насъ. Здоровый смыслъ скажетъ это только потому, что онъ видитъ могущественное не однимъ количествомъ и счастливое большинство живущее внѣ этой среды; педагогъ сдѣлаетъ наблюденіе надъ душевными отправлениями людей находящихся въ нашей средѣ и внѣ ея сдѣлаетъ наблюденіе при введеніи людей въ зараженную комнату, т. е. при передачѣ молодымъ поколѣніямъ нашихъ искусствъ и на основаніи тѣхъ обмороковъ, того отвращенія, которое проявляютъ свѣжія натуры при введеніи ихъ въ искусственную атмосферу, на основаніи ограниченности духовныхъ отпращеній заключить, что требованія народа отъ искусства законнѣе требованій испорченнаго меньшинства такъ называемаго образованнаго класса.

Я дѣлалъ эти наблюденія относительно двухъ отраслей нашихъ искусствъ, болѣе мнѣ знакомыхъ и нѣкогда мною страстно любимыхъ—музыки и поэзіи. И страшно сказать: я пришелъ къ убѣжденію, что все что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ, все сдѣлано по ложному исключительному пути не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведе-

ніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе какъ напр. «Я помню чудное мгновенье,» произведенія музыки какъ послѣдняя симфонія Бетховена не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о «Ванкѣ клюшничкѣ» и напѣвъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,» что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы также испорчены какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости. Какъ обыкновенно слышать до пошлости избитый парадоксъ, что для пониманія прекраснаго нужна извѣстная подготовка,—кто это сказалъ, почему, чѣмъ это доказано? Это только изворотъ, лазейка изъ безвыходнаго положенія, въ которое привела насъ ложность направленія, исключительная принадлежность одному классу нашего искусства. Почему красота солнца, красота человѣческаго лица, красота звуковъ народной пѣсни, красота поступка, любви и самоотверженія доступны всякому и не требуютъ подготовки.

Я знаю, что для большинства все сказанное покажется болтовней, правомъ языка безъ костей, но педагогія—свободная педагогія—путемъ опыта разъясняетъ многіе вопросы и безчисленнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же явленій переводитъ вопросы изъ области мечтаній и разсужденій въ область положеній доказанныхъ фактами. Я годами бился тщетно надъ передачею ученикамъ поэтическихъ красоть Пушкина и всей нашей литературы, то же самое дѣлаетъ безчисленное количество учителей — и не въ одной Россіи — и ежели учителя эти наблюдаютъ надъ результатами своихъ усилій и ежели захотятъ они быть откровенными, всѣ признаются, что главнымъ слѣдствіемъ развитія поэтическаго чувства было убіеніе его, что наибольшее отвращеніе къ такимъ толкованіямъ показывали самыя поэтическія натуры... Я бился, говорю, годами и ничего не могъ достигнуть, — стоило случайно открыть сборникъ Рыбникова и поэтическое требованіе учениковъ нашло полное удовлетвореніе, и удовлетвореніе, которое спокойно и безпристрастно сличивъ первую попав-

шуюся пѣсню съ лучшимъ произведеніемъ Пушкина — я не могъ не найти законнымъ. То же самое случилось со мною и въ отношеніи музыки, о которой и предстоитъ теперь говорить мнѣ.

Попытаюсь резюмировать все сказанное выше. На вопросъ: нужны ли искусства (beaux arts) для народа?—педагоги обыкновенно робѣютъ и путаются (только Платонъ смѣло и отрицательно рѣшилъ этотъ вопросъ). Говорятъ: нужно, но съ извѣстными ограниченіями: дать всѣмъ возможность быть художниками вредно для общественнаго устройства. Говорятъ: извѣстныя искусства и степень ихъ могутъ существовать только въ извѣстномъ классѣ общества; говорятъ — искусства должны имѣть своихъ исключительныхъ служителей, преданныхъ одному дѣлу; говорятъ—большія дарованія должны имѣть возможность выходить изъ среды народа и вполнѣ отдаваться служенію искусству. Это самая большая уступка, которую дѣлаетъ педагогія праву каждаго быть чѣмъ онъ хочетъ. На достиженіе этихъ цѣлей направлены всѣ заботы педагоговъ относительно искусствъ. Я считаю все это несправедливымъ. Я полагаю, что потребность наслажденія искусствомъ и служеніе искусству лежатъ въ каждой человѣческой личности, къ какой бы породѣ и средѣ она ни принадлежала, и что эта потребность имѣетъ права и должна быть удовлетворена. Принимая это положеніе за аксіому, я говорю, что если представляются неудобства и несоотвѣтственности въ наслажденіи искусствомъ и воспроизведеніи его для каждаго, то причина этихъ неудобствъ лежитъ не въ способѣ передачи, не въ распространеніи или сосредоточіи искусства между многими или нѣкоторыми, но въ характерѣ и направленіи искусства, въ которомъ мы должны сомнѣваться какъ для того, чтобы не навязывать ложнаго молодому поколѣнію, такъ и для того, чтобы дать возможность этому молодому поколѣнію вырабатывать новое какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

Представляю отчетъ учителя рисованія за ноябрь и декабрь. Способъ этого преподаванія, мнѣ кажется, можетъ почестся удобнымъ по тѣмъ приѣмамъ, которыми незамѣтнымъ и веселымъ для учениковъ путемъ обойдены техническія трудности.

Вопросъ же самаго искусства не затронуть, потому что учитель, начиная преподаваніе, предръшилъ вопросъ о томъ что дѣтямъ крестьянъ бесполезно быть художниками.

Рисованіе. Когда я девять мѣсяцевъ назадъ приступилъ къ ученію рисованія, то у меня не было еще опредѣленнаго плана, ни о томъ какъ расположить содержаніе преподаванія, ни о томъ какъ руководить учениками. У меня не было ни рисунковъ, ни моделей кромѣ нѣсколькихъ иллюстрированныхъ альбомовъ, которыми я впрочемъ не пользовался во время моего дальнѣйшаго ученья, ограничиваясь простыми вспомогательными средствами, которыя всегда можно найти въ каждой деревенской школѣ. Деревянная крашеная доска, мѣлъ, аспидныя доски и четвероугольныя деревянные, различной длины, палочки, употребляемыя для нагляднаго обученія математики, вотъ все наши средства при преподаваніи, которыя впрочемъ не мѣшали намъ срисовывать все что было подъ руками. Ни одинъ изъ учениковъ прежде не учился рисовать, они принесли ко мнѣ только свою способность сужденія, которой была предоставлена полная свобода высказываться какъ и когда они хотѣли и по которой я хотѣлъ познакомиться съ ихъ требованіями и тогда уже составить опредѣленный планъ занятій. На первый разъ я составилъ изъ четырехъ палочекъ квадратъ и попробовалъ въ состояніи ли мальчики безъ всякаго предварительнаго ученья срисовать этотъ квадратъ. Только немногіе мальчики нарисовали очень неправильные квадраты, обозначая четырехугольныя палочки, составлявшія квадратъ, прямыми линіями. Я этимъ совершенно удовлетворился. Для болѣе слабыхъ я начертилъ на доскѣ мѣломъ квадратъ. Потомъ мы составляли такимъ же образомъ крестъ и рисовали его.

Безсознательное, врожденное чувство, заставляло дѣтей находить по большей части довольно вѣрное соотношеніе линій, хотя эти линіи они рисовали довольно плохо. И я не считалъ нужнымъ добиваться при каждой фигурѣ правильности прямыхъ линій, чтобъ не мучить ихъ понапрасну и желалъ только, чтобъ срисована была фигура. Я думалъ сначала дать мальчикамъ понятіе болѣе объ отношеніи линій по ихъ ве-

личинѣ и ихъ направленіи, чѣмъ заботиться объ ихъ способности сколько возможно правильно выводить эти линіи.

Дитя пойметъ прежде отношеніе между длинной и короткой линіей, разницу между прямымъ угломъ и параллельными, чѣмъ научится самъ сносно провести прямую линію.

Мало-по-малу въ слѣдующіе уроки мы стали срисовывать углы этихъ четырехугольныхъ палочекъ и потомъ составляли изъ нихъ самыя различныя фигуры.

Ученики оставляли совершенно безъ вниманія малую толщину этихъ палочекъ, третье протяженіе, и мы рисовали постоянно только переднюю сторону составленныхъ предметовъ.

Трудность представить ясно при нашихъ недостаточныхъ матеріалахъ положеніе и соотношеніе фигуръ, заставляла меня рисовать иногда фигуры на доскѣ. Часто соединялъ я рисованье съ натуры съ рисованьемъ съ образцовъ, давая какойнибудь предметъ; если мальчики не могли срисовать, данный предметъ, я рисовалъ его самъ на доскѣ.

Рисованье фигуръ съ доски происходило слѣдующимъ образомъ: Я рисовалъ сначала горизонтальную или отвѣсную линію, раздѣлялъ ее точками на извѣстныя части, ученики срисовывали эту линію. Потомъ проводилъ другую или нѣ сколько другихъ перпендикулярныхъ или наклонныхъ линій въ извѣстномъ къ первой отношеніи и раздѣленные одинаковыми единицами. Потомъ соединяли точки раздѣленія этихъ линій прямыми линіями или дугами и составляли какую-нибудь симметрическую фигуру, которая, по мѣрѣ того какъ возникала, срисовывалась мальчиками. — Мнѣ казалось, что это выгодно въ первыхъ въ томъ отношеніи, что мальчикъ наглядно изучаетъ весь процессъ образованія фигуры, и въ вторыхъ, съ другой стороны, развивается въ немъ понятіе соотношенія линій черезъ это рисованіе на доскѣ гораздо болѣе, чѣмъ черезъ копированіе рисунковъ и оригиналовъ. При такомъ порядкѣ уничтожается возможность прямо срисовывать, но сама фигура какъ предметъ изъ природы должна быть срисована въ уменьшенномъ масштабѣ.

Почти всегда бесполезно вывѣшивать большую совершенно нарисованную картину или фигуру, потому что начинающій рѣшительно станетъ втупикъ передъ нею, также какъ и передъ предметомъ изъ природы. Но самое возникновеніе фигуры передъ его глазами имѣетъ большое значеніе. Ученикъ въ этомъ случаѣ видитъ остовъ рисунка, скелетъ его, на которомъ потомъ образуется самое тѣло. Ученики были постоянно вызываемы критиковать линіи и отношенія ихъ, которыя я рисовалъ. Я часто рисовалъ нарочно неправильно, чтобъ узнать на сколько образовалось ихъ сужденіе о соотношеніи и правильности линій. Далѣе спрашивалъ я мальчиковъ, когда рисовалъ какую нибудь фигуру, гдѣ по ихъ мнѣнію слѣдуетъ еще прибавить линію, и даже заставлялъ того или другаго самихъ выдумывать какъ составить фигуру.

Этимъ я возбуждалъ въ мальчикахъ не только болѣе живое участіе, но свободное участіе въ составленію и развитію фигуры уничтожало въ дѣтяхъ вопросъ *зачѣмъ?* который ребенокъ при срисовываніи оригинала всегда естественно самъ себѣ задаетъ.

Легкое или трудное пониманіе и большій или меньшій интересъ имѣли главное вліяніе на ходъ и способъ преподаванія, и я часто бросалъ совершенно приготовленное для урока только потому, что оно было мальчикамъ скучно или чуждо.

До сихъ поръ я давалъ срисовывать симметрическія фигуры, потому что ихъ образованіе самое легкое и очевидное. Потомъ я, въ видѣ опыта, просилъ лучшихъ учениковъ самихъ сочинять и рисовать фигуры на доскѣ. Хотя почти всѣ и рисовали только въ одномъ данномъ родѣ, но тѣмъ не менѣе было интересно наблюдать возникающее соревнованіе, сужденіе другихъ, и своеобразную постройку фигуръ. Многіе изъ этихъ рисунковъ были особенно соответственны характерамъ учениковъ.

Въ каждомъ ребенкѣ есть стремленіе къ самостоятельности, которую вредно уничтожать въ какомъ бы то ни было преподаваніи и которое особливо обнаруживается недовольствомъ при срисовываніи съ образцовъ. Черезъ вышесказанные приемы

эта самостоятельность не только не убивалась, но еще больше развивалась и укрѣплялась.

Если ученикъ въ школѣ не научится самъ ничего творить, то и въ жизни онъ всегда будетъ только подражать, копировать, какъ мало такихъ, которые бы, научившись копировать, умѣли сдѣлать самостоятельное приложеніе этихъ свѣдѣній.

Постоянно придерживаясь въ срисовываньи натуральныхъ формъ и часто мѣняя разные предметы, какъ напр. листья характеристичной формы, цвѣты, посуду и вещи употребительныя въ жизни, инструменты, я старался не допустить въ наше рисованье рутину и манерность.

Съ величайшей осторожностью приступилъ я къ объясненію тѣней, къ отѣниванью, потому что начинающій легко уничтожаетъ отѣнивающими линиями рѣзкость и правильность фигуры и привыкаетъ къ беспорядочному и неопредѣленному манеру.

Этимъ способомъ я добился того, что болѣе 30 учениковъ въ нѣсколько мѣсяцевъ узнали довольно основательно соотношеніе линій въ различныхъ фигурахъ и предметахъ и умѣли эти фигуры передавать ровными и рѣзкими линиями. Механическое искусство линейнаго рисованія, мало-по-малу развилось какъ бы само собою. Труднѣе всего было мнѣ приучать учениковъ къ чистотѣ обращенія съ тетрадами и чистотѣ самаго рисунка. Удобство стирать нарисованное на аспидныхъ доскахъ много затруднило мнѣ дѣло въ этомъ отношеніи. Давъ лучшимъ, болѣе талантливымъ, ученикамъ тетради, я достигъ большей чистоты въ самомъ рисованьи; ибо большая трудность стиранья, принуждаетъ ихъ къ большей опрятности въ обращеніи съ тѣмъ, на чемъ рисуется. Въ короткое время лучшіе ученики достигли до столь вѣрнаго и чистаго управленія карандашомъ, что могли рисовать чисто и правильно не только прямолинейныя фигуры, но и самыя причудливыя составныя изъ кривыхъ линій.

Я заставлялъ нѣкоторыхъ учениковъ контролировать фигуры другихъ, когда они оканчивали свои,—и эта учительская дѣятельность замѣчательно поощряла учениковъ; ибо черезъ это они могли тотчасъ прилагать выученное.

Въ послѣднее время я занимался съ старшими рисованіемъ предметовъ въ самыхъ различныхъ положеніяхъ въ перспективѣ, не придерживаясь исключительно столь извѣстной методы Dupuis.—Объ образѣ и ходѣ этого преподаванія, равно и о черченіи, будетъ говорено въ послѣдствіи.

Пѣніе. Мы шли прошлымъ лѣтомъ съ купанья. Всѣмъ намъ было очень весело. Крестьянскій мальчикъ, тотъ самый который былъ соблазненъ на воровство книжекъ дворовымъ мальчикомъ, толстоскулій, коренастый мальчикъ, весь облитый веснушками, съ кривыми внутрь загнутыми ножонками, со всѣми приемами взрослога степнаго мужика, но умная, сильная и даровитая натура, пробѣжалъ впередъ и сѣлъ въ телѣгу ѣхавшую передъ нами. Онъ взявъ вожжи, сбиль шляпу на бокъ, сплюнулъ на сторону и запѣлъ какую-то протяжную мужицкую пѣсню,—да какъ запѣлъ!—съ чувствомъ, съ роздыхомъ, съ подкрикиваньемъ. Ребята засмѣялись: «Семка-то, Семка-то, какъ играетъ ловко.» Семка былъ совершенно серіозенъ, — «ну ты не перебивай пѣсни», особеннымъ, нарочно хриплымъ голосомъ сказалъ онъ въ промежуткѣ, и совершенно серьезно и степенно продолжалъ пѣть. Два самыхъ музыкальныхъ мальчика подсѣли въ телѣгу, начали подлаживать и подладили. Одинъ ладилъ то въ октаву, то въ сиксту, другой въ терцію, и вышло отлично. Потомъ пристали другіе мальчики, стали пѣть «какъ подъ яблоней такой», стали кричать, и вышло шумно, но не хорошо. Съ этого же вечера началось пѣніе, теперь, послѣ 8 мѣсяцевъ, мы поемъ «Ангель вопіяше» и двѣ херувимскія — 4 и 7 № нумера, всю обыкновенную обѣдню и маленькія хоровыя пѣсни. Лучшіе ученики (только два) записываютъ мелодіи пѣсень, которыя они знаютъ, и почти читаютъ ноты. Но до сихъ поръ еще все что они поютъ далеко не такъ хорошо, какъ хороша была ихъ пѣсня, когда мы шли съ купанья. Я говорю все это не съ какой-нибудь задней мыслью, не для того чтобы доказать что-нибудь, но я говорю что есть. Теперь же расскажу какъ шло преподаваніе, которымъ, сравнительно, я доволенъ.

Въ первый урокъ я раздѣлилъ всѣхъ на три голоса и мы спѣли слѣдующіе аккорды:

Намъ удалось это очень скоро. И каждый пѣлъ что онъ хотѣлъ, пробовалъ дишкантъ и переходилъ въ тенора, а изъ тенора въ альтъ, такъ что лучшіе узнали весь аккордъ — до-ми-соль, нѣкоторые и всѣ три. Выговаривали они слова французскихъ названій нотъ. Одинъ пѣлъ ми-фа-фа-ми, другой до-до-ре-до и т. д. «Ишь ты какъ складно, Л. Н., говорили они,—даже въ ухѣ задрожжить. Ну еще, еще...» Мы пѣли эти аккорды и въ школѣ, и на дворѣ, и въ саду, и по дорогѣ домой, до поздней ночи, и не могли оторваться и нарадоваться на свой успѣхъ.

На другой день мы попробовали гамму и талантливѣйшіе прошли ее всю, худшіе едва могли пройти до терціи. Я писалъ ноты на линейкѣ въ альтовомъ ключѣ, самомъ симметрическомъ, и называлъ ихъ по-французски. Слѣдующіе и слѣдующіе, уроковъ шесть, шли также весело; мы спѣли еще новые аккорды минорные и переходы въ мажорные—Господи помилуй, слава Отцу и Сыну и пѣсенку въ три голоса съ фортепьянами. Одна половина урока была занята этимъ, другая пѣньемъ гаммы и упражненій, которыя выдумывали сами ученики: «до-ми-ре-фа-ми-соль», или «до-ре-ре-ми-ми-фа», или «до-ми-ре-до-ре-фа-ми-ре» и т. д.

Весьма скоро я замѣтилъ, что ноты на линейкахъ не наглядны и нашелъ нужнымъ замѣнить ихъ цифрами. Кромѣ того для объясненія интерваловъ и измѣняемости тоники цифры представляютъ болѣе удобствъ. Черезъ шесть уроковъ нѣкоторые уже брали по заказу, какіе я спрашивалъ интервалы, добираясь до нихъ по воображаемой гаммѣ. Особенно нравилось упражненіе квартами—до-фа-ре-соль и т. д. внизъ и вверхъ. Фа (унтеръ-доминанта) особенно поражало всѣхъ своею силой.

«Экой здоровенный этот фа, говорил Семка, — так и рѣзнетъ.»

Немузыкальныя природы всё отстали, съ музыкальными классы наши затягивались по три и четыре часа. О тактѣ я пробовалъ дать понятіе по принятой методѣ, но дѣло оказалось до того труднымъ, что я принужденъ былъ отдѣлить тактъ отъ мелодіи и написавъ звуки безъ такта, разбирать ихъ и потомъ написавъ тактъ, т. е. размѣры безъ звуковъ, стучаньемъ разбирать одинъ тактъ и потомъ уже соединять оба процесса вмѣстѣ.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, отдавая себѣ отчетъ въ томъ что я дѣлалъ, я пришелъ къ убѣжденію, что мой способъ преподаванія есть почти способъ *Chevet*, котораго методу, я видѣлъ на дѣлѣ въ Парижѣ и которая мною сразу не была принята только потому, что это была метода. Всѣмъ занимающимся преподаваніемъ пѣнія нельзя достаточно рекомендовать это сочиненіе, на оберточномъ листѣ котораго написано большими буквами *Repusse a l'unanimité* и теперь расходящемся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всей Европѣ. Я видѣлъ въ Парижѣ поразительные примѣры успѣшности этой методы при преподаваніи самого *Chevet*. Аудиторія въ 500—600 человекъ мужчинъ и женщинъ иногда въ 40—50 лѣтъ, поющихъ въ одинъ голосъ а *livre ouvert* все что имъ откроетъ учитель. Въ методѣ *Chevet* есть много правилъ, упражненій, предписанныхъ приѣмовъ, которые не имѣютъ никакого значенія и которые каждый умный учитель выдумаетъ сотни и тысячи на полѣ сраженія, т. е. во время класса, тамъ есть весьма комическая можетъ-быть и удобная манера читать такъ безъ звуковъ, напр. въ четыре четверти, ученикъ говоритъ та-фа-те-фе, въ $\frac{3}{4}$ ученикъ говоритъ та-те-ти, въ $\frac{8}{8}$ та-фа-те-фе-те-ре-ли-ри. Все это интересно какъ одинъ изъ способовъ, посредствомъ котораго можно учить музыкѣ,—интересно какъ исторія извѣстной музыкальной школы, но правила эти не абсолютны и не могутъ составить методу. Въ этомъ-то всегда состоитъ источникъ ошибокъ методъ. Но у *Chevet* есть замѣчательныя по своей простотѣ мысли, изъ которыхъ три составляютъ сущность его методы: 1-ая хотя, и старая, еще выраженная Ж. Ж.

Руссо въ своемъ Dictionaire de Musique мысль выраженія музыкальныхъ знаковъ цифрами. Чтò бы ни говорили противники этого способа писанія каждый учитель пѣнїя можетъ сдѣлать этотъ опытъ и всегда убѣдится въ огромномъ преимуществѣ цифръ передъ линейками какъ при чтенїи такъ и при писанїи. Я училъ по линейкамъ уроковъ 10 и одинъ разъ только показалъ по цифрамъ, сказавъ что это одно и то же и ученики всегда просятъ писать цифрами и всегда сами пишутъ цифрами. 2-я замѣчательная мысль, исключительно принадлежащая Chevet, состоитъ въ томъ, чтобы учить звукамъ отдѣльно отъ такта и наоборотъ. Приложивъ хоть разъ эту методу для обученїя, всякій увидитъ что то, чтò представлялось неодолимою трудностью вдругъ становится такъ легко, что только удивляешься какъ прежде никому не пришла такая простая мысль. Сколькихъ бы мученїй избавились несчастныя дѣти, выучивающїя въ архїерейскихъ пѣвчихъ и другихъ хорахъ «да исправится» и т. п., ежели бы регенты попробовали эту простую вещь заставить учащагося ничего не дая простукать палочкой, или пальцемъ по той фразѣ нотъ, которую онъ долженъ пѣть:—четыре раза по цѣлой, разъ на четверть, разъ на: двѣ осьмыхъ и т. д., потомъ спѣть безъ такта ту же фразу, потомъ опять спѣть одинъ тактъ и потомъ опять вмѣстѣ.

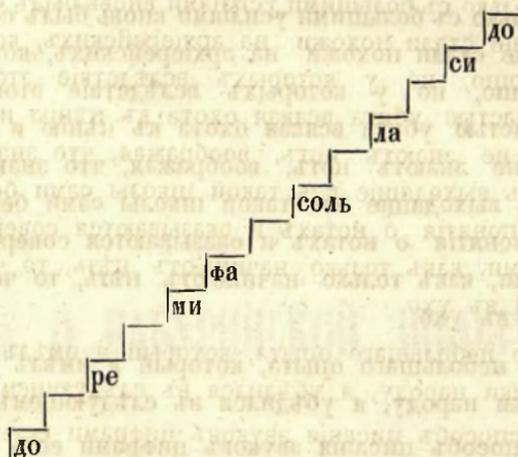
Напр. написано

ученикъ сперва поетъ (безъ такта) до-ре-ми-фа-оль-ми-ре-до; потомъ ученикъ не поетъ, а ударяя по нотѣ 1-го такта говорить разъ-два-три-четыре, потомъ по каждой нотѣ втораго тона говорить разъ-два-три-четыре; потомъ по 1-й нотѣ 3-го такта ударяетъ 2 раза и говоритъ разъ-два, по второй нотѣ третьяго тона и говоритъ три-четыре и т. д.; а потомъ поетъ то же съ тактомъ и ударяетъ, а другїе ученики въ слухъ считаютъ. Это мой способъ, который точно также какъ и способъ Chevet нельзя предписывать, который можетъ быть удобенъ, но удобнѣе котораго могутъ быть

найлены еще многіе. Но дѣло только въ томъ, чтобы отдѣлать изученіе такта отъ звуковъ, а приемовъ можетъ быть безчисленное множество. — Наконецъ, 3-я и великая мысль Chevet состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать музыку и преподаваніе ея популярными. Способъ его преподаванія вполнѣ достигаетъ этой цѣли. И это не только желаніе Chevet и не только мое предположеніе, но это фактъ. Я видѣлъ въ Парижѣ сотни работниковъ съ мозолистыми руками, сидящихъ на скамьяхъ, подъ которыми положенъ инструментъ, съ которымъ работникъ шелъ изъ мастерской поющихъ по нотамъ, понимающихъ и интересующихся законами музыки. Глядя на этихъ рабочихъ мнѣ легко было представить себѣ на ихъ мѣстѣ русскихъ мужиковъ, только говори Chevet по-русски, они также и пѣли бы, также и понимали бы все что онъ говорилъ объ общихъ правилахъ и законахъ музыки. Мы еще надѣемся поговорить подробнѣе о Chevet и преимущественно о значеніи популяризованной музыки особенно пѣнія для возбужденія падающаго искусства.

Перехожу къ описанію хода преподаванія въ этой школѣ. Послѣ 6 уроковъ козлища отобрались отъ овецъ, остались однѣ музыкальныя натуры охотники, и мы перешли къ минорнымъ гаммамъ и къ объясненію интерваловъ. Трудность состояла только въ томъ, чтобы найти и отличить малую секунду отъ большой. Фа уже былъ прозванъ здоровеннымъ, до оказался такимъ же крикуномъ и потому мнѣ не нужно было учить, — они сами чувствовали ту ноту, въ которую разрѣшалась малая секунда, поэтому чувствовали и самую секунду. Мы нашли легко сами, что мажорная гамма состоитъ изъ послѣдовательности 2 большихъ 1 малой 3 большихъ и 1 малой секунды, потомъ мы спѣли «слава отцу» въ минорномъ тонѣ и добрались по чутью до гаммы, которая оказалась минорною, потомъ въ гаммѣ этой нашли 1 большую 1 малую 2 большихъ, 1 малую, 1 очень большую и 1 малую. Потомъ я показалъ, что можно спѣть и написать гамму съ какой угодно ноты, что ежели не выходить большая или маленькая секунда когда нужно, можно поставить диезъ и бемоль. Для удобства я написалъ имъ хроматическую лѣстницу такого рода:

По этой лѣстницѣ я заставлялъ писать всевозможныя мажорныя и минорныя гаммы, начиная съ какой хотѣли ноты. Эти упражненія занимали ихъ чрезвычайно и успѣхи были до того поразительны, что двое часто между классами забавлялись писаніемъ мелодій пѣсень, которыя они знали. Эти ученики часто мурлычатъ мотивы какихъ-то пѣсень, которыхъ они назвать не умѣютъ и мурлычатъ тонко и нѣжно и главное лучше вторять и ужъ не любятъ, когда много вмѣстѣ нескладно кричатъ пѣсню.

Всѣхъ уроковъ едва ли было 12 во всю зиму. Преподаваніе наше испортило тщеславіе. Родители, мы—учителя и сами ученики захотѣли удивить всю деревню—пѣть въ церкви, мы стали готовить обѣдню и херувимскія Бортнянскаго. Казалось, это было бы веселѣе дѣтямъ, но вышло на оборотъ. Несмотря на то что желаніе ѣхать на клиросъ поддерживало ихъ, и что они любили музыку, и что мы—учителя налегали на этотъ предметъ и дѣлали его принудительнѣе другихъ, мнѣ часто жалко было смотрѣть на нихъ какъ какой-нибудь крошка Кирюшка въ оборванныхъ онученкахъ выдѣлывалъ свою партію «Тайно образу-у-у-у-у-ю-ю-ще»—и его по 10 разъ заставляли повторять и онъ наконецъ выходилъ изъ себя и стуча пальцами по нотамъ спорилъ что онъ поетъ такъ точно. Мы съѣздили разъ въ церковь и имѣли успѣхъ; восторгъ былъ огромный, но цѣніе пострадало: стали скучать на урокахъ, отлынивать и

къ пасхѣ только съ большими усиліями вновь былъ собранъ хоръ. Наши пѣвчіе стали похожи на архіерейскихъ, которые поютъ часто хорошо, но у которыхъ вслѣдствіе этого искусства большей частью убита всякая охота къ пѣнію и которые рѣшительно не знаютъ нотъ, воображая, что знаютъ. Я часто видалъ какъ выходящіе изъ такой школы сами берутся учить, не имѣя понятія о нотахъ и оказываются совершенно несостоятельными, какъ только начинаютъ пѣть, то чего имъ еще не кричали въ ухо.

Изъ того небольшого опыта, который я имѣлъ въ преподаваніи музыки народу, я убѣдился въ слѣдующемъ:

1) Что способъ писанія звуковъ цифрами есть самый удобный способъ;

2) что преподаваніе такта отдѣльно отъ звуковъ есть самый удобный способъ;

3) что для того, чтобы преподаваніе музыки оставило слѣды и воспринималось охотно, необходимо учить съ перваго начала искусству, а не умѣнью пѣть или играть. Барышень можно учить играть екзерсисы Бургмюнера, но народныхъ дѣтей лучше не учить вовсе, чѣмъ учить механически;

4) что ничто такъ не вредно въ преподаваніи музыки, какъ то, что похоже на знаніе музыки—исполненіе хоровъ на экзаменахъ, актахъ и въ церквахъ;

5) что цѣль преподаванія музыки народа должна состоять только въ томъ, чтобы передать ему тѣ знанія объ общихъ законахъ музыки, которыя мы имѣемъ, но отнюдь не въ передачѣ ему того ложнаго вкуса, который развитъ въ насъ.

ЕЩЕ О БАБУРИНСКОЙ ШКОЛѢ.

Прошло еще два мѣсяца ученія — итого четыре со времени открытія школы. Приближается Святая — конецъ ученія для большинства. Останутся тѣ изъ ребятъ, которые по малолѣтству не могутъ быть полезны родителямъ въ полѣ, и тѣ, у которыхъ въ семействѣ есть достаточное число рукъ въ лѣтнюю рабочую пору. Въ эти четыре мѣсяца они успѣли окончательно свыкнуться и полюбить школьную жизнь. Школа для нихъ послѣ родной избы — самый близкій ломъ. По вечерамъ они еще долго сидятъ и рады бы ночевать въ школѣ, но немолимый староста, которому они порядкомъ надоѣли днемъ своей возней, и такъ едва ихъ терпитъ. Еслибы еще немного времени, я считалъ бы ихъ своими, т. е. заставилъ бы ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ навсегда полюбить занятія, книги, пробудилъ бы въ нихъ нѣчто, стоящее выше ихъ ежедневной жизни. Но Святая и лѣтняя пора отдалять эту побѣду Богъ знаетъ до какого времени.

Придется вторично завоевывать разъ чуть не завоеванное. Многие изъ ребятъ сожальютъ, что имъ приходится школьную, беззаботную жизнь мѣнять на четырехмѣсячную, безустальную работу? Кто отправится пахать, скородить, кто скотину стеречь, кто наймется къ огороднику. Такъ большинство разбредется. Впрочемъ, многие изъ ребятъ общались, по окончаніи дневныхъ работъ, заходить ко мнѣ въ школу. А другіе,

которые подалѣ будутъ отъ деревни, просили дать имъ по книжкѣ, «а то за это время совсѣмъ забудешь читать». Вотъ сочиненіе Тишки, наивнѣйшаго и добрѣйшаго малаго, съ огромною памятью и большимъ пониманіемъ. Ему лѣтъ 16 съ лишнимъ; до сего времени онъ нигдѣ не учился.

«Иванъ Трифоновичъ пришолъ къ намъ и говоритъ моей матери: Степанида веди своихъ ребятъ въ школу, сайчасъ прѣйдитъ графъ. А мать говоритъ: ступай одинъ Тишка. Я говорю: не пойду. Она говоритъ: съ чего же не пойдешь? — Да боюсь. Она говоритъ: коли не пойдешь, я пойду отца пошлю, штобы велъ Дашку учиться. Отецъ пришолъ и говоритъ: Дашка, пойдемъ,—и пошли. Пришли въ школу, а тамъ учитель пишетъ на брусу буквы мѣломъ. Написалъ и говоритъ: читайте вотъ такъ: а, бе, ве, ге, де. Стали ребята читать. Кто читаетъ, а кто смѣется. Перва показалось имъ дуже хитро. Тутъ прѣвхалъ Л. Н. и заставилъ Алдошку читать «барыню». Л. Н. говоритъ что ты такъ читаешь, какъ дьячѣкъ. Не похвалилъ и уѣхалъ. А учитель распустилъ ребятъ домой. Дашка пришла. Я ее спрашиваю: какъ васъ учутъ? Вотъ какъ: а, бе, ве, ге... и рассказала все какъ было. Я еще спрашиваю у Дашки: а учитель какой, старый? Она говоритъ: нѣтъ, молодой, безъ бороды, безъ усовъ. Я недѣлю погодилъ, прошла недѣля,—дай, говорю, пойду и пошолъ. Пришолъ въ школу. Въ школѣ за столомъ учитель сидитъ, загадки загадываетъ ребятамъ. Его называютъ дядинькой. Они говорятъ на меня: дядинька вотъ этотъ записанъ, а онъ не ходитъ. Учитель говоритъ: чтожъ ты не ходишь. Я завтра приду и пошолъ. Пришолъ домой и говорю: эка, учитель молодой, пойду завтра учиться. Поутру всталъ, умылся, Богу помолился и говорю отцу: пойду учиться. Отецъ говоритъ: ступай. Я пошолъ. Пришолъ въ школу, помолился Богу и говорю: здравствуй дядинька. Здравствуй. Дядинька спрашиваетъ: буквы знаешь? Я говорю: нѣтъ не знаю. Читай. Я сталъ читать: а, бе, ве. Мѣсяцъ поучился, сталъ читать арифметикъ училъ дядинька. кто умѣлъ хорошо: кому 5, кому 4; а не умѣлъ тому 1 и 2. За писаніе то же становилъ. Дядинька хорошій учитель. Мнѣ не много учился, двѣ недѣли; такъ нехотца бросить учиться,

отъ своихъ ребятъ отставать. Послѣ Святой пойду работать. Какъ весна настанетъ, лѣсъ развертывается, такъ въ полѣ расцвѣтутъ цвѣты; запоютъ пташки, соловьи. Показываются хлѣба, овесъ, рожь, гречиха. Подходить рабочья пора. Я пойду пахать, буду какъ свинья ворочиться въ землѣ. Ты знаешь какая мужицкая работа, только знай все касить, пахать.»

Изъ этого сочиненія, изъ его обращенія къ кому-то, и вообще по его школьной жизни, я увѣренно скажу, что Тишка—мой, что онъ завоеванъ всѣмъ своимъ существомъ, что книжка будетъ для него такую же необходимостью, какъ воздухъ, вода, хлѣбъ; что въ полѣ, за сохой, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ не забудетъ о ней и всегда удѣлитъ ей, между работой и отдохновеніемъ, нѣсколько времени. Это любимое его мечтаніе. Онъ мнѣ разъ повѣрялъ, какъ хорошо будетъ: работу кончу, созову ребятъ: «эй ребята, не хотите ли хорошую книжку послушать?» стану имъ читать. Это мечтаніе его утѣшало и мирило немного съ необходимостью покинуть школу.

Чтобы яснѣе представить характеръ школы, учениковъ, занятій, я буду пользоваться отрывками изъ моего дневника.

I.

Сегодня въ школѣ былъ сельскій сходъ (*). На этомъ сходѣ присутствовали мужики изъ трехъ деревень: Даненки, Казначеевки и Бабурина. Толковали о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, преимущественно же о школьныхъ, которыя и составляли главный предметъ нынѣшней сродки. Для человѣка, присутствующаго въ первый разъ при подобномъ рѣшеніи дѣлъ, все было интересно, какъ все новое. Дѣло состояло въ назначеніи платы хозяину за помѣщеніе школы и въ объясненіи правилъ для сельскихъ и волостныхъ школъ, которымъ должны подчиниться родители, отдавшіе или желающіе отдать своихъ ребятъ учиться. Эти правила помѣщены въ 2-мъ номерѣ нашего журнала, въ статьѣ «Бабуриная школа». Наконецъ староста предложилъ миру вопросъ, слѣдующаго рода:

(*) Школа помѣщается въ избѣ сельскаго старосты, потому и сходка собирается по большей части сюда.

— Ну, ребята, теперь вотъ что: довольны ли вы учителемъ? Если недовольны чѣмъ,—скажите? Мировой посредникъ предъяснялъ такъ: «если вамъ не пондравится учитель,—вы мнѣ объясните. Я вамъ доставлю другаго.» А если довольны, нужно записать въ книгу, что мы остаемся довольны нашимъ учителемъ и другаго не желаемъ, оставляемъ его на предбудущее время. Такъ какъ же, ребята? рѣшайте.

— Да чѣмъ быть недовольными? Довольны то мы довольны, только ты бы, батюшка (послышалась старая пѣсня), построже съ ними, а то совсѣмъ избаловались. Да вонъ хоть бы мой: придетъ домой, дашь ему книжку читать... Не хотца ему чтоли читать, и выходитъ какъ будто не то, не тѣ слова.

— Эхъ, братъ, какой ты скорый, ужъ и читать! перебилъ его другой,—нѣтъ погоди. Будь одинъ, два — такъ. А то не забудь, братецъ ты мой, всѣхъ ихъ 23, не то 24 человѣка. Зашель я намеднись, сталъ и стою; только, одинъ кричить — дядинька, другой—дядинька.... всѣмъ объясни, покажи, головы никакъ не сообразишь. Другой, кто поробчѣй, не осмѣлится подойти и ждать день, два указки, пока до него не дойдутъ.

Потомъ спрашивали, зачѣмъ я ихъ учу на сказкахъ? и т. д. Я радъ былъ случаю объяснить всѣмъ, сколько могъ, не повторяя одного и того же каждому отдѣльно, почему я такъ учу, а не иначе. Въ заключеніе я сказалъ, что какъ я ни буду ихъ ребятъ учить — это мое дѣло.

— Рѣшайте какъ хотите, прибавилъ я,—а я даю свое слово, что до Святой они будутъ читать по какой хочешь книгѣ и кое-какъ писать по грамоткѣ.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ, говорили мужики, качая сомнительно головами, хотя желали очень этому вѣрить. Наконецъ всѣ разошлись; только казначеевскій староста, который дома сильно угорѣлъ, остался, пока угаръ не пройдетъ. Онъ грамотный и, какъ видно, не глупый мужикъ.

— Что, Ф. А., вы возьмете за моего сына, въ годовую?— началъ онъ, лежа на лавкѣ. Я бы его не отдалъ: еще малъ— всего 9-й годокъ, да дюже разохотился—«пойду, пойду, учиться». Ничего не подѣлаешь — одинъ и есть — ну, и отдалъ

пока помѣсячно, а теперь въ годовую хочу. Онъ еще долго оставался, просилъ нельзя ли его поучить разбирать всякую рукопись, «а то, кромѣ своей, другую никакъ не разберу».

На вопросъ — есть ли у него какія книги? — онъ отвѣчалъ, что есть одна: «половина по нашему, по русскому написана, а половина—не пойму покаковски. Я какъ-нибудь ее вамъ принесу почитать; можетъ, ребятамъ понадобится,—оставьте у себя. Мнѣ она не пригодна, — безъ дѣла валяется. Есть еще у меня другая, сла-а-вная книга, апокалиось называется. На ней семь печатей, а чтѣ въ ней написано, никто не узнаетъ, только одинъ Христось. Все тамъ сказано, какъ чему быть, чтѣ случится, все, все...» Онъ говорилъ, несмотря на сильную головную боль, урывками объ ней, но видно съ удовольствіемъ вспоминалъ, чтѣ читалъ и радъ былъ что есть кому пересказать. «Еще прописано тамъ какъ быть концу міра,—прекрасно сказано!... Будетъ на небѣ семь звѣздъ, упадетъ одна и проглотитъ землю, упадетъ другая — проглотитъ воду, упадетъ третья... дальше не помню. Вы не читали? Когда-нибудь снесу вамъ и эту.» На вопросъ мой—гдѣ онъ ее досталъ и гдѣ учился—онъ отвѣтилъ, что получилъ ее отъ сестры, пріѣзжала, — въ подарокъ привезла. Рублей десять, кажись, стоитъ, — книга дорогая. Учился онъ читать у монашки въ Кочакахъ. Писать или, вѣрнѣе сказать, выводить и кое-какъ составлять слова дошелъ онъ самъ собою. «Найду себѣ какую грамотку, или приказъ и стану себѣ выдѣлывать то же, или по прописи списываю, такъ и натвердилъ руку». Просилъ онъ меня доучить его, чтобы могъ всякую руку разбирать. Я обѣщаль, но больше онъ не приходилъ. Кажется, какъ я слышалъ, сынъ, отданный имъ въ годовую, доучиваетъ его.

Какъ-то дѣвочка сосѣдняго мужика принесла ко мнѣ книжку съ непремѣннымъ желаніемъ почитать ей что-нибудь и самому прочесть «дюже хорошо», это были персидскія сказки «тысяча и одинъ день», перев. съ персид. на франц. Петись де-Лакруа, а на російскій сочинителемъ сл. Др. . . . часть I. С. П. 1778 г. Отъ частаго читанья первые листки совсѣмъ истерлись. Я спросилъ дѣвочку, какимъ образомъ эта книга попала къ нимъ и кто ее читаетъ?—«Читаетъ дядя Никифоръ, когда изъ Тулы

пріѣзжаетъ, а то въ сундукъ батя прячетъ. Кто ее знаетъ какъ она къ намъ пришла, что-то давно, самъ батя не запомнить.»

Книги, найденныя у другаго мужика, другой деревни, слѣдующія: 1) Указанія пути царствія небеснаго, 2) Филаретъ милостивый, 3) Сердце человѣческое, или храмъ Божій, или жилище сатаны. 1852 г., 4) Благочестіе въ хижинѣ, 5) Пастухъ награжденный за свою добродѣтель и 6) Реестръ Россійскимъ книгамъ, составл. бібліотеку для чтенія, въ Москвѣ купца Глазунова. Владѣтель этихъ книгъ полуграмотный мужикъ только читаетъ. Учился онъ у годовыхъ отпускныхъ солдатъ и пріобрѣлъ эти книги частію отъ солдатъ, квартировавшихъ у него и учившихъ безвозмездно, частію отъ мужиковъ. Купилъ онъ только одну, именно: указанія пути царствія небеснаго. Еще у двухъ, трехъ мужиковъ найдены: святцы, буквари для ребятъ, Дмитрій Іоанновичъ Донской или побоище его и т. д.

Въ выборѣ книгъ народъ руководствуется собственнымъ вкусомъ или, вѣрнѣе сказать, у него нѣтъ и не можетъ быть сознательнаго выбора: которая подешевле, да поздоровчѣй, аль не обхватишь, та и книга. Сознательный выборъ тотъ, который дѣлается съ заранѣе опредѣленною мыслию пріобрѣсть такую-то именно книгу, а не ту, которую продавецъ, желая сбыть, навязываетъ почти насильно въ руки неопытнаго покупателя. Это сознаніе не простирается даьше букварей. Книги, встрѣчаемыя у народа, попадаютъ совершенно случайно. Богъ вѣсть откуда, какими путями забредетъ къ неграмотному мужику какая-нибудь книжка; онъ ею дорожитъ какъ рѣдкостью, завертываетъ въ тряпицу, прячетъ въ сундукъ, и пролежитъ она такимъ образомъ Богъ знаетъ сколько времени.

Нельзя опредѣлить какія именно книги нравятся народу. Собственныхъ сужденій о нихъ онъ не высказываетъ,—боится дурно отозваться о какой бы то ни было книжкѣ. Замѣтно въ немъ какое-то мистическое уваженіе къ нимъ: понимаетъ ли онъ читаемую книгу, или не понимаетъ, хорошо ли она написана, или дурно,—это нисколько не уменьшаетъ и не увеличиваетъ ея достоинства, съ рѣдкими, впрочемъ, исключеніями. Одинъ ее хвалитъ потому, что она совершенно ему непонят-

на, какъ по языку, такъ и по содержанію; другой хвалить потому, что другіе ее хвалятъ; третій потому, что она его собственность. Читается какая-нибудь книга лѣтъ десять съ такимъ же интересомъ, какъ и въ первый разъ. Ко мнѣ въ школу ходитъ мужикъ, который возымѣлъ твердое желаніе выучиться грамотѣ. Я о немъ какъ-то упоминалъ въ своей статьѣ во 2-мъ № нашего журнала. Придетъ онъ въ школу и всегда выберетъ такую книгу,² которая ему непонятна и непремѣнно духовнаго содержанія. Возьметъ положимъ, «Житія святыхъ». Читаетъ объ Юрѣ: *съ именемъ святителя Юны соединены воспоминанія о попыткахъ латинскаго духовенства подчинить себѣ православную церковь. Съ самаго отдѣленія Запада отъ Православной Вселенской церкви, римскіе папы и т. д.*; или объ Іудѣ: «Святій Іуда, котораго тоже называли Фаддеемъ и Леввіемъ, одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ, былъ сынъ Іосифа, обручника пресвятой Дѣвы, и потому называется, какъ и братъ его Іаковъ меньшій, братомъ Господнимъ. Мы мало знаемъ о его жизни до апостольства. И ему очень нравится. Преданіе говоритъ» и т. д. Такой выборъ и такія книги встрѣчаются на каждому шагу. Книги же легкаго содержанія, какъ сказки, рассказы, онъ не станетъ читать.

У ребятъ замѣтенъ совершенно другой взглядъ на книги; у нихъ болѣе самостоятельности въ сужденіи, нѣтъ того рабскаго поклоненія, какъ у взрослыхъ. Не нравится ребятамъ книжка, они просто скажутъ, что она скучна или незанятна, и наоборотъ. Это различіе въ сужденіяхъ происходитъ главнымъ образомъ оттого, что послѣдніе на столько уже развиты, что механизмъ потерялъ свое первое значеніе, и теперь, при чтеніи книжки, у нихъ является извѣстная потребностъ удобопонятности и занимательности читаемаго.

II.

Здѣшній священникъ, обязанность котораго надзирать за направленіемъ учительскаго преподаванія, удостоилъ посѣщеніемъ нашу школу. Впечатлѣніе, произведенное на него шко-

лю, не могло быть выгодно. Это было послѣ обѣда, вечеромъ. Я сидѣлъ на столѣ, а ребята размѣстились вокругъ меня. Всѣ, подъ вліяніемъ только что рассказанной исторіи — единоборства Давида съ Голиафомъ, кричали, перебивали другъ друга, рассказывая ту же исторію. Вдругъ всѣ среди рассказа замолкли. Вошелъ благочинный съ своимъ сыномъ. Подобныя неожиданныя посѣщенія всегда имѣютъ дѣйствіе холодной воды. Благочинный просилъ не стѣсняться, — продолжать занятія. Но всѣ молчали. Я сталъ ободрять Тишку. Онъ кое-какъ началъ, другіе стали подсоблять. — «Рассказываютъ они у васъ хорошо,» замѣтилъ священникъ по окончаніи рассказа, — «а знаютъ ли они молитвы?» Молитвы изъ рукъ вонъ пошли плохо: кто зналъ и тотъ на это время забылъ. — «А по какимъ книгамъ они учатся читать?» Я сказалъ, что по сказкамъ. Достали Худякова сказки; послѣдовало новое испытаніе и одобреніе: — «читаютъ ничего; только напрасно вы даете имъ читать эти сказки. Читалъ я ихъ, поучительнаго ничего не нашель. И что дѣти вынесутъ отсюда? Какая нравственная польза будетъ изъ того, что они прочтутъ всѣ эти сказки? Повѣрьте, не стоитъ на такія глупости терять времени. Это ихъ не займетъ. Они дома ихъ постоянно слышатъ.» Я ему отвѣтилъ, что на этихъ сказкахъ они не воспитываются, а учатся читать и сколько я могъ замѣтить, читаютъ ихъ охотно, но крайней мѣрѣ въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ. — «Я вамъ совѣтую для этой цѣли купить буквари; польза будетъ двойная: они выучатся читать и будутъ знать молитвы. Здѣсь же находятся: священная исторія, впрочемъ довольно краткая, изреченія изъ св. писанія и краткія нравоученія, какъ то: будь благочестивъ, уповай на Бога, ходи въ церковь почаще... Они запечатлѣются въ ихъ юныхъ сердцахъ и будутъ полезныѣ этихъ сказокъ; а ихъ можно читать разъ въ недѣлю для разнообразія, какъ говорится между дѣломъ и бездѣльемъ» и т. д. Чтобы скорѣе съ нимъ согласиться, я осведомился, гдѣ можно достать эти буквари. Но этимъ дѣло не кончилось: испытаніе послѣдовало съ другой стороны. — «Вотъ вы, дѣти, въ школу ходите, учитесь грамотѣ, къ чему жъ она вамъ? Неужели вы всѣ хотите сдѣ-

латься писарями или прикащиками въ Туль.» Ни отъ кого не получая отвѣта, священникъ обратился къ одному.

— Ну скажи, зачѣмъ тебѣ грамота? Неужели ты отъ нея станешь лучше сѣять или пахать,—скажи, къ чему ты учишься? Бѣдный мальчикъ, не зная что отъ него требуютъ, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ на ребятъ—не найдетъ ли отвѣта. Но встрѣтилъ такой же недоумѣвающей взглядъ. Наконецъ онъ рѣшился: — «чтобъ знать грамоту». — «Ну такъ, хорошо. Скажи, чтобы лучше понимать заповѣди Божіи» и т. д.

III.

Въ мою школу мѣсяца два ходила дѣвочка съ большими способностями и очень умная. Потомъ ее взяли противъ ея воли. Причинъ было довольно. Иногда, когда ребята затрудняются въ чемъ-нибудь, обратишься къ ней за объясненіемъ; она, подумавши, непременно скажетъ. Невольно вырвется ей похвала: «молодецъ, Праскутка!» Она чувствовала свое превосходство и не могла не тщеславиться этимъ. Отецъ ея, не глупый мужикъ, весь въ рукахъ своей жены, самой грубой бабы. Она-то его и смутила. Отецъ говоритъ одно, а мать другое. Отецъ совѣтуетъ учиться, а мать говоритъ; «что тамъ за ученье? Молитвамъ не учать—какая-то нѣмецкая учба.» Отецъ говоритъ: «не суйся, баба, не ты деньги платишь.» А баба говоритъ: «что попусту-то деньги кидать, купилъ бы мнѣ конопи. А отъ этого ученья проку мало. Вонъ Оеклуна сказывала, что послѣ ученья всѣхъ дѣвокъ погонять на Кавказъ, за стариковъ замужъ.» Такъ объясняла мнѣ Аписья, моя хозяйка, причину взятія Праскутки изъ школы. «Ничего не подѣвствуешь, совсѣмъ дѣвкѣ съ толку сбили.» Въ послѣднее время даже ребята замѣтили, что Праскутка не та—«дюже ее захвалили, прежде лучше была.» Когда ее взяли изъ школы, она перестала бывать на улицѣ, не участвовала, какъ прежде, въ играхъ, обходила всегда школу, боясь встрѣтиться съ ребятами. Замѣчено даже, какъ только школьника берутъ изъ

школы, онъ какъ-то вдругъ отрывается отъ остальныхъ, избѣгаетъ съ ними встрѣчъ, сношеній; въ противномъ случаѣ бѣда, сейчасъ осмѣютъ: «что не ходишь, аль полтинника жаль?» Такъ вдругъ пересталъ ходить Гришца, не заплативши за учене 50 к. с. Какъ ребята къ нему ни придуть, всегда дома его нѣтъ. Потомъ стали объяснять, догадываться: «должно быть стыдно, коли дома не сидитъ. Сказывали казначеевскіе, что видѣли его на большой дорогѣ; знать не чѣмъ заплатить—вотъ и работаетъ.» Черезъ мѣсяцъ онъ пришелъ и принесъ полтинникъ. Нужно было видѣть при этомъ его радость.

IV.

Моя школа находится именно въ томъ періодѣ, когда одно механическое чтеніе, сказки, загадки, потеряли первоначальный свой интересъ. Сказочная эпоха прошла. Чувствуется даже самими учениками, хотя смутно, потребность другаго, высшаго знанія. Этотъ переходъ есть шагъ отъ грамотности къ образованію. Чтобы не впасть въ рутину, не ограничиться одною грамотностью, несмотря на то, что того требуютъ ихъ родители, я старался по возможности удовлетворять и поддерживать въ своихъ ученикахъ эту новую, рождающуюся потребность образованія разказами изъ разныхъ путешествій. Для перваго опыта я избралъ книгу «Путешествіе въ полярныя страны, совершенное д-ромъ Кеномъ». Отсюда я пользовался и отрывками, знакомилъ ихъ съ сѣвѣрною природою, съ ея обитателями, съ Кеномъ... Признаться, эта работа была для меня очень трудна и неудобна, такъ какъ при этомъ требовалась извѣстная подготовка, чтобы сколь возможно понятнѣй и интереснѣй вышла передѣлка, въ формѣ простаго разказа. Какъ ни плодовито наше время дѣтскими книжками, сколько ни развелось любителей распространенія полезныхъ книгъ, я не нашелъ ни одной годной книжки, которую можно было бы дать въ руки мальчику, умѣющему читать, и которая знакомила бы его хоть поверхностно съ чѣмъ-нибудь. Можетъ, со временемъ, это неудобство исчезнетъ, но въ настоящее время народнымъ учите-

лямъ приходится въ одно время и заниматься и придумывать средства къ занятію. Подготовленіе такихъ книжекъ и составляетъ главную задачу журнала «Ясная Поляна».

Самое любимое занятіе ребятъ—писаніе подъ диктовку, или изъ своей головы. Утромъ, когда не начинались еще занятія, если они не играютъ въ мячъ, то непременно пишутъ, и пишутъ все, что имъ придетъ въ голову или подъ диктовку того, кого они выберутъ. Диктовать же другимъ составляетъ особенную честь. Зато бѣда, если я какъ-нибудь или они выберутъ плохо диктующаго, — осмѣютъ, окрестятъ такими прозвищами, что радъ не будетъ и навѣрно въ другой разъ не возьмется, самъ откажется. Иногда, по окончаніи вечернихъ занятій, кто попроситъ книжку на домъ, а кто грамотку. Дашь одному—дай всѣмъ; а то бѣда — никогда и не забудутъ и не простятъ, что Терешѣ далъ, а имъ нѣтъ. На другое утро они приносятъ исписанныя бумажки: кто съ сказкой, кто съ молитвой, а кто изъ своего. Два раза въ недѣлю старшему классу положено писать сочиненія и послѣ поправки они списываютъ въ тетради, нарочно для того сдѣланныя. Вообще процессъ списыванія, линеванія возбуждаетъ въ другихъ не то зависть, не то желаніе самимъ скорѣй писать на грамоткѣ. Удостоились такого отличія отдѣлъ старшихъ и нѣсколько человекъ изъ среднихъ. Писаніемъ они занимаются въ ущербъ другимъ предметамъ.

По окончаніи Кена, я пробовалъ ребятамъ разказывать о Колумбѣ и объ открытіи Америки; но все, что я разказывалъ, было отрывочно, не было никакой послѣдовательности. Вышло то, что должно было случиться: въ разказахъ они перескакивали съ одного предмета на другой, — все было перемѣшано. Во всякомъ случаѣ я доволенъ и тѣмъ, что возбудилъ въ нихъ любознательность. «Были бы деньги, вотъ бы съѣздить туда», говаривали они. Явились даже прозвища: — Семку называютъ теперь не иначе какъ «сѣвернымъ или бѣлымъ медвѣдемъ», моржемъ и Эскимосомъ ругаютъ зачастую другъ друга.

Я прежде никакъ не могъ понять; отчего это, когда мы занимаемся ариѳметикой, мой хозяинъ становится въ сторонкѣ

и так пристально слѣдить за выводомъ цифръ и дѣйствіемъ надъ ними. Разъ, какъ-то вечеромъ, я заглянулъ въ его книжку, гдѣ онъ ежедневно отмѣчаетъ крестьянскіе рабочіе дни. Прежде, кто отбывалъ свой день, онъ отмѣчалъ палочкой, теперь же появились тамъ цифры 1, 2, 7. Еще, когда ребята вписываютъ свои сочиненія въ тетради, онъ, если случится дома, съ тѣмъ же терпѣніемъ и вниманіемъ слѣдитъ за направленіемъ чьего-нибудь пера, полчаса, часъ, не двигаясь съ мѣста. По занимаемой должности и по нѣкоторому честолюбію, котораго онъ не лишень, ему непремѣнно хочется добиться того, чтобы разбирать приказы, идущіе черезъ его руки, самому кое-какъ писать и знать нумерацію, потому что такимъ образомъ, какъ онъ мнѣ признавался, удобнѣе отмѣчать крестьянскіе дни: не собьешься. Это его *idée fixe*. Хотя онъ не выказываетъ при другихъ этого стремленія, но гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, одинъ на одинъ, онъ старательно припоминаетъ каждую букву, черту, цифру и выводитъ какъ ребята выводили. Потомъ въ другой разъ я заглянулъ въ его книжку, вижу—успѣхъ растетъ, появились скорописныя буквы, написанныя чернилами и очень тщательно выведенныя. Когда и гдѣ онъ писалъ — никто не видѣлъ, хотя я почти все время находился въ избѣ.

V.

Когда у насъ бываетъ классъ чтенія, я всегда затрудняюсь что имъ давать читать. Сказки всѣ извѣстны, книжки Ясной Поляны, выходящія ежемѣсячно, также прочтены, хотя не всѣми, но большинству знакомы по содержанию. Въ началѣ чтеніе «Матвѣя» и «Робинзона» шло довольно туго. Приписывая этотъ неуспѣхъ одной непривычности читать что-нибудь длинное, я рѣшился самъ прочесть имъ немного изъ Робинзона, чтобы ввести, натолкнуть ихъ самихъ на желаніе дочесть до конца. Впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ, было полное. Всѣ были подзадорены участіемъ Робинзона и желаніемъ скорѣе узнать развязку. Только самая мелкота, которую по паль-

цамъ перечесть, болтались. Они еще не подготовлены, время ихъ впереди. На другое утро многіе сами принялись за Робинзона. Но чтобы впечатлѣніе сдѣлать болѣе полнымъ и потомъ судить объ успѣхѣ «Робинзона», сами они читали отрывками: нынче кусокъ, завтра кусокъ, я рѣшился имъ прочесть до конца. Притомъ тутъ замѣшалось личное чувство, мнѣ пріятно было хотя отчасти, быть виновникомъ общаго настроенія. Впрочемъ, они сами были утомлены полутора-часовымъ чтеніемъ и потому съ охотою приняли мое предложеніе. Тѣ, которые вчера болтались, и тѣ поддались общему настроенію. Никогда у меня въ классѣ не было такой тишины. Если кто говорилъ, то говорилъ изъ какого-то деликатнаго чувства, шепотомъ, хотя никто его не принуждалъ къ этому. Когда чтеніе было окончено, слышались одобренія: «Вотъ книжка, такъ книжка. Лихая, желанная книжка. Эхъ, кабы намъ, дяденька, съ тобой туда», проговорилъ Т.—Вотъ кабы дяденька привозилъ побольше такихъ книжекъ.»

«— *Рѣшился Робинзонъ*», докончилъ Назаръ.

О занимательности Робинзона я сужу не только по одобренію ребятъ, но и хозяинъ мой, собираясь куда-то, на минутку остановился у двери, держась за скобку, такъ онъ простоялъ все время, пока чтеніе не было окончено. Тишка мнѣ замѣтилъ послѣ съ какимъ-то сожалѣніемъ: «Дяденька, чего ты намъ читалъ Робинзона?» — А что? — «Да такъ. Мы бы лучше сами прочли.» И въ самомъ дѣлѣ я былъ виноватъ тѣмъ, что отнялъ у нихъ все удовольствіе, прочитавъ имъ всего Робинзона. Когда читаешь хорошую занимательную книгу, то хочется скорѣе узнать судьбу интересующаго лица, а когда кончишь жалѣешь: желалъ бы, чтобы она какъ можно долѣе тянулась. Три четыре книги на другой, на третій день были куплены ребятами. А всѣмъ извѣстно какъ мужикъ не щедръ и неохотливъ на покупку книгъ дешевыхъ, и сколько просьбъ, я думаю, нужно было со стороны ребятъ, чтобы заставить купить «Ясную Поляну», которая по ихъ мнѣнію очень дорога и не стоитъ такой цѣны, тѣмъ болѣе это объемъ, который при покупкѣ

играетъ самую важную роль, очень бѣденъ. Цѣна дѣйствительно огромная. Редакція нашего журнала сознала, что главнымъ препятствіемъ распространенію книжекъ «Ясной Поляны» въ народѣ ее цѣна, и потому съ настоящаго времени, удешевивъ ихъ печатаніе, пустить по гораздо-меньшей цѣнѣ.

Вотъ сочиненіе одного изъ ребятъ по случаю покупки Робинзона.

«Когда намъ дядинька привезъ изъ Ясной, я сталъ ее читать. Она мнѣ показалась очень хороша. Я ее хотѣлъ купить и говорю: дядинька, продай мнѣ эту книжку. А дядинька говоритъ: купи. А я говорю: что возьмешь? А дядинька говоритъ: пятиалтынный. А я говорю: дай, я своему отцу покажу. Мнѣ дядинька далъ ее. Я понесъ отцу. Мы стали оба читать. Я говорю: батя, дай мнѣ пятиалтынный. А мой отецъ говоритъ; она книжка хороша-то хороша, да дорога, и говоритъ: я въ Тулѣ за двѣ гривны куплю лучше той. Ну за чтожь тутъ дать двѣ гривны? она дюжа мала. Въ Тулѣ можно купить за пятиалтынный такую, аль не обхватишь.

Не смотря на благопріятное впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ Робинзона на ребятъ, передѣлка Робинзона мнѣ не нравится. Сколько интересныхъ мѣстъ пропущено, сколько можно было еще написать, не лишивъ ни сколько ее достоинства и занимательности: составитель ее черезчуръ подчинился цензурѣ ясенскихъ ребятъ, такъ какъ большая часть Робинзона составлена по ихъ словамъ. Природа полуденныхъ странъ совершенно забыта, если и упоминается, то какъ-то вскользь, какъ средство, орудіе, необходимыя въ жизни Робинзона.

VI.

Толки, неудовольствія, наставленія родителей какъ учить ихъ ребятъ, мало-по-малу утихаютъ и въ послѣдній мѣсяцъ во все не слышать:—именно съ того самаго времени какъ успѣхи мальчиковъ стали для нихъ осязательны. Дома, по вечерамъ,

ребята читають, пишутъ, занимаются ариеметикой. Все дѣлается вслухъ и на глазахъ родителей, отцы гордятся, похваляются другъ предъ другомъ знаніями своихъ ребятъ. Это я узналъ изъ сочиненія одного мальчика, гдѣ онъ описалъ двухъ мнѣ извѣстныхъ мужиковъ (одинъ изъ нихъ ему отецъ), которые хвастаются своими ребятами. Всѣмъ моимъ ребятамъ куплены новые сапоги. Нужно замѣтить, что покупкою сапоговъ, шапокъ выражаются заслуги ребятъ и вмѣстѣ довольство ими отцовъ. Примиренные такимъ образомъ съ результатами нашего преподаванія, они вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнили взглядъ на школу, на учителя и на ученіе. Препжнихъ слуховъ, толковъ не слышать. Ученіе же дьячковъ, солдатъ упало окончательно въ ихъ мнѣніи. Трехъ четырехмѣсячные успѣхи нашего преподаванія доказали имъ всю несостоятельность пріемовъ дьячковскаго и солдатскаго ученія.

До Святой было 23 мальчика и 6 дѣвочекъ. Теперь же, т. е. послѣ Святой, осталось 10 мальчиковъ и 3 дѣвочки, изъ этого числа многіе еще отстануть.

А. Э.

О НЕОБХОДИМОСТИ КОНТРОЛЯ ОБЩЕСТВА НАДЪ ШКОЛАМИ.

(Г-аго народнаго учителя.)

Вотъ уже болѣе мѣсяца прошло, какъ я началъ учительствовать въ Г—нѣ. Пора провѣрить, что успѣлъ я сдѣлать въ продолженіи этого времени, какого рода былъ результатъ моихъ полуторамѣсячныхъ занятій. Дневникъ мой не богатъ фактами, относящимися собственно къ этимъ занятіямъ.

Пріѣхавъ сюда, я сначала былъ болѣе заинтересованъ мужиками, ихъ взглядами на школу, на грамотность и т. п. Педагогическая же дѣятельность, которая, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца исключительно состояла въ заучиваніи однихъ азовъ, немного могла представить интересныхъ фактовъ, немного могла познакомить меня съ ребятишками, съ ихъ развитіемъ и характерами. Поэтому, отправляясь въ Г—ну, я преимущественно думалъ о томъ, какъ встрѣтятъ меня мужики, съ какой точки зрѣнія они посмотрятъ на дѣло, которое предстояло мнѣ начать тамъ. Признаюсь, когда я ѣхалъ сюда, я почти былъ увѣренъ въ непрочности и непродолжительности этого дѣла. Кромѣ тупой апатіи и полного убѣжденія въ ненужности, бесполезности школы, я не думалъ встрѣтить со стороны мужиковъ никакого сочувствія къ ней. Мировой посредникъ посылаетъ приказъ старостѣ объ открытіи школы; староста собираетъ сходъ и объявляетъ мужикамъ волю начальства. Мужики сначала долго не соглашаются; но наконецъ все-таки рѣшаются тѣмъ, что коли велѣло начальство, — то стало оно ужъ такъ нужно, стало-быть безъ этого нельзя, и школа открывается. Но являлось ли когданибудь у нихъ собственное сознаніе о необходимости школы? — Конечно нѣтъ. Будь

другой посредникъ и Г-на можетъ-быть по прежнему оставалась бы безъ школы, по прежнему бы г-нскіе мужики продолжали отдавать своихъ дѣтей солдатамъ и дьячкамъ. Слѣдовательно открытіе школы въ Г-нѣ зависѣло чисто отъ случая. Инициативы тутъ никакой нельзя подозрѣвать со стороны мужиковъ. Но здѣсь само собой можетъ явиться возраженіе; мужики сами, безъ всякаго приказанія, отдаютъ своихъ дѣтей «въ ученіе»; для насъ все равно кому бы они ихъ не отдавали, солдату, дьячку, студенту,—важно только то, что существуетъ такой фактъ, что, слѣдовательно, у нихъ есть какое-то смутное понятіе о пользѣ грамоты.

Трудно рѣшить въ какомъ видѣ представляетъ себѣ крестьянинъ эту пользу. Всего лучше, мнѣ кажется, это можетъ выясниться изъ побужденія, которое заставляетъ крестьянина отдавать своихъ дѣтей въ школу. Рѣдко мнѣ случилось встрѣчать, чтобъ такимъ побужденіемъ было у нихъ сознаніе о томъ, что образованный человѣкъ гораздо выше и лучше, въ нравственномъ отношеніи, необразованнаго; чаще можно услышать отъ крестьянина, что причина, заставившая его отдать своего сына въ школу, заключалась въ однихъ только практическихъ расчетахъ, грамотный человѣкъ гораздо легче достанетъ себѣ кусокъ хлѣба, сдѣлается сельскимъ или волостнымъ писаремъ, или будетъ читать псалтырь по умершимъ; все добудетъ себѣ копѣйку. Отсюда-то и вытекаетъ недовольство крестьянъ на всякіе другіе предметы, которые вводятся въ преподаваніе въ сельскихъ школахъ сверхъ обученія грамотѣ. Онъ требуетъ отъ ученія одного только существеннаго, что приносило бы ему пользу въ практической жизни; все же прочее онъ совершенно отвергаетъ, какъ лишнее. «Зачѣмъ ты», часто можно услышать отъ крестьянина, «учишь моихъ дѣтей по сказкамъ, — чему путному онъ изъ нихъ научится, кромѣ пустословія? А ты лучше возьми псалтырь, да по псалтырю ихъ учи.» Ариметику онъ также отвергаетъ на томъ основаніи, что считать онъ и безъ всякой науки, самъ собою научится.

До сихъ поръ дьячки и солдаты удовлетворяютъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Ихъ взгляды на грамоту и преподаваніе

нисколько не расходятся со взглядами крестьянъ на эти пред-
меты. До сихъ поръ розги и кулакъ не мѣшали имъ дости-
гать ихъ цѣли, т. е. приготовить хорошаго чтеца, писаря. Какъ
крестьянинъ, такъ дьячокъ и солдатъ, измѣряютъ успѣхи —
тотъ своего сына, а эти ученика, — чисто съ механической
стороны. Если мальчикъ бѣгло читаетъ, сумѣетъ написать
всякое письмо, пробѣжитъ безъ запинки какой угодно псаломъ
изъ псалтыря, они уже считаютъ его ученіе законченнымъ.
Цѣли у нихъ въ этомъ отношеніи однѣ и тѣ же. Поэтому-то
крестьянинъ вполне доволенъ такими учителями; онъ привыкъ
къ нимъ, къ ихъ методѣ преподаванія и не желаетъ лучшаго.

Но въ это самое время народу навязываютъ новыхъ учите-
лей, съ совершенно иными приѣмами, иными взглядами на
воспитаніе, чѣмъ у старыхъ. Народъ думалъ, что розги и побои
главныя основанія воспитанія; — а тутъ отвергается не только
всякое принужденіе и наказаніе, но въ школѣ господствуетъ
совершенная свобода. Народъ думалъ, что безъ букваря и
псалтыря невозможно никакое ученіе, — а тутъ и то и другое
совершенно отгоняется изъ преподаванія и буквы учатся не
по книгамъ, а пишутся мѣломъ на доскахъ и стѣнахъ. Теперь
всякому будетъ понятна эта борьба, которую предстоитъ вы-
держать каждому сельскому учителю, вздумавшему идти про-
тивъ рутинной методы преподаванія солдатъ и дьячковъ.

Я пріѣхалъ въ Г-ну сельскимъ учителемъ гораздо позже
другихъ; въ окрестностяхъ ея въ это время уже существовали
школы съ тѣмъ же характеромъ, съ тѣми же педагогическими
приѣмами, какіе я намѣревался ввести и въ моей школѣ. Пови-
димому г-нскіе крестьяне должны были привыкнуть къ этимъ
приѣмамъ, они не должны были имъ казаться столь новыми
и дикими, какъ въ другихъ селеніяхъ. Не то оказалось на дѣлѣ.
Меня, какъ и другихъ, встрѣтили недружелюбно. Интересно,
что борьба эта повсемѣстно имѣетъ одинаковый характеръ;
повсемѣстно факты повторяются одни и тѣ же съ небольшими
исключеніями. Вездѣ главная причина нападеній заключается
въ томъ, что ребятамъ даютъ слишкомъ большую свободу,
позволяютъ имъ баловаться и такимъ образомъ не внушаютъ
никакого страха и уваженія къ личности наставника. Такое

непріязненное отношеніе къ свободѣ, къ сожалѣнію, выражается не только взрослыми, но даже и дѣтьми. Часто мнѣ случалось слышать отъ моихъ учениковъ такого рода просьбы: «Дяденька, отчего ты насъ не бьешь? еслибы ты насъ билъ, мы бы лучше учились.» Въ другой разъ былъ такой случай: всѣ ученики присудили въ наказаніе одному провинившемуся поклониться мнѣ въ ноги — факты весьма грустные, говорящіе не въ пользу русскаго человѣка. Въ нихъ видны какая-то забитость, какое-то странное желаніе обезличивать самого себя. Къ счастью, мы знаемъ тѣ историческія причины, которыя способствовали утвердиться въ народѣ такому азіатскому правилу, что «за битаго — двухъ небитыхъ даютъ» и потому не отчаеваемся за него теперь, когда историческія причины эти уже почти не существуютъ. Наше дѣло, въ какой только степени это зависитъ отъ насъ, возвратить народу его потерянную личность, сознаніе человѣческаго достоинства. Конечно первымъ шагомъ къ этому служить школа, распространеніе образованія между народомъ. Но школа для народа явленіе еще совершенно новое; онъ смотритъ на нее почти непріязненно. Дѣло сельскаго учителя поселить въ народѣ довѣріе къ школѣ, заставить его смотрѣть на нее иначе. Дѣло очень не легкое и часто зависящее отъ случая. Управляйся, напримеръ, школа дьячкомъ или солдатомъ и дѣло пошло бы отлично, потому что народъ давно уже привыкъ видѣть ихъ своими учителями. Положеніе же школы, изъ которой старая система воспитанія, розга и побои, буквари и псалтырь, изгнаны, — совершенно исключительное. Школа съ такимъ характеромъ должна идти противъ всѣхъ возрѣній и понятій, издавна вкоренившихся въ народѣ. Переходъ слишкомъ быстръ для народа отъ старой системы къ новой, — между тѣмъ и другимъ не было ничего посредствующаго, никакой середины, чтобы могло приготовить его къ принятію этой свободы. Недовѣріе его къ ней теперь становится очень понятнымъ. Чтобы разрушить въ немъ это недовѣріе, нужно прежде всего разрушить его вѣру въ дьячковское ученіе. Нужно показать ему на дѣлѣ, что при этой свободѣ, ученіе идетъ гораздо лучше и удобнѣе, чѣмъ тогда, когда оно бываетъ соединено съ солдатской или

дьячковской дисциплиной. Въ этомъ случаѣ помогаетъ самое положеніе сельской школы среди окружающаго ее населенія.

Сельская школа—заведеніе открытое, входъ въ нее никому не воспрещенъ. И мужики вполне пользуются этимъ правомъ. Въ мою школу постоянно ходятъ отцы и родственники обучающихся у меня мальчиковъ. Каждый изъ нихъ не остается только простымъ зрителемъ, но старается сдѣлать мнѣ какое-нибудь замѣчаніе или дать совѣтъ, какъ я долженъ учить ихъ дѣтей. Часто эти совѣты и замѣчанія бываютъ не только не основательны, но даже нелѣпы. Не смотря на это, на все нужно дать отвѣтъ и объясненіе.

Нѣкоторые учителя смотрятъ на такое вмѣшательство крестьянъ въ школьную жизнь неблагоклонно; на томъ основаніи, что мужикъ ничего не смыслить въ этомъ дѣлѣ, они относятся къ нему педантически, вовсе не стараясь снизить до его понятій, чтобы убѣдить его въ противномъ, если они находятъ эти понятія ложными. Поступая такимъ образомъ, мы выразили бы этимъ всю нашу нетерпимость и неуваженіе къ чужому мнѣнію. Если мы имѣемъ какое-нибудь право навязывать мужику свое образованіе, свой образъ возрѣній, то мужикъ имѣетъ еще больше права требовать отъ насъ отчета—что это за образованіе, которое навязываютъ ему? — есть ли въ немъ какой-нибудь прокъ, какая-нибудь польза для него? Разсуждая такимъ образомъ, онъ разсуждаетъ совершенно справедливо. До сихъ поръ онъ вполне удовлетворялся тѣмъ образованіемъ (если только исключительное обученіе грамотѣ можно назвать образованіемъ), которое получалъ отъ нашихъ доморожденныхъ народныхъ учителей—дьячковъ и солдатъ. До сихъ поръ еще не являлось въ немъ внутреннихъ причинъ къ измѣненію своего настоящаго положенія. А если и были эти причины, то причины чисто внѣшнія, которыя и заставили его наконецъ желать распространенія грамотности. Но все-таки, я еще разъ здѣсь повторю, народъ смотритъ на эту грамотность, не какъ на средство къ улучшенію человѣка въ нравственномъ отношеніи, а единственно только съ практической точки зрѣнія. Желая увеличить въ своей средѣ количество грамотниковъ, онъ пока остается совершенно довольнымъ старыми приемами

воспитанія. До сихъ поръ онъ даже не представлялъ себѣ возможности измѣненія этого стараго порядка и замѣненія его чѣмъ нибудь новымъ. Поэтому, теперь становится понятнымъ, что при такой неприготовленности русскаго мужика, много нужно употребить трудовъ и усилій каждому сельскому учителю, желающему поселить въ немъ довѣріе къ своему дѣлу. А этого мы можемъ достигнуть только тогда, когда будемъ относиться къ нему безъ всякаго педантизма, какъ равный къ равному.

Народъ смотритъ на васъ совершенно иначе, чѣмъ на дьячка. Онъ видитъ, что вы и учите не такъ и обращеніе-то ваше съ мальчиками совсѣмъ другое, и не понимаетъ, для чего вы это все дѣлаете. При этомъ, естественно, у него рождается множество вопросовъ, на которые необходимо отвѣтить ему. Иначе оставшись темными, не разрѣшенными, они могутъ служить источникомъ самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, въ родѣ того, что вы присланы правительствомъ выучить ихъ дѣтей и потомъ отправить въ Москву казаками. Конечно только непониманіе, или, по крайней мѣрѣ, превратное пониманіе дѣла приводитъ народъ къ такимъ заключеніямъ. Удаляя же изъ школы родителей, вы совсѣмъ отнимаете у нихъ средства сколько-нибудь познакомиться съ истинной стороной дѣла. Кромѣ того, поступая такимъ образомъ, вы даете полную свободу ходить самымъ нелѣпымъ слухамъ о вашей школѣ, и слухи эти, не имѣя ничего противъ себя, что не могло бы опровергать ихъ, будутъ все больше и больше распространяться, и почему вы знаете, что они не повредятъ вашему дѣлу? Ручаетесь ли вы тогда за то, что каждый солдатъ, каждый дьячокъ, легко можетъ убѣдить мужика взять у васъ своего сына и отдать ему? Попробуйте же вы дѣйствовать на крестьянъ убѣжденіями, попробуйте объяснить имъ преимущество вашего способа воспитанія передъ старымъ, и кто знаетъ, можетъ-быть, вамъ и удастся хоть одного изъ нихъ убѣдить въ этомъ. Напрасно вы думаете, что такой образъ дѣйствій совершенно невозможенъ съ мужиками. Вы всегда имѣете случай дѣйствовать на тѣхъ изъ нихъ, которые учатся у васъ. Вы легко можете покорить ихъ своему нравственному вліянію и такимъ

образомъ заставить ихъ согласиться съ вами. Не признавая же этого образа дѣйствій, вы разрываете всякую связь школы съ обществомъ, съ жизнью, и ставите ее въ неестественное, искусственное отношеніе къ окружающему населенію. Крестьянинъ не пойметъ такихъ отношеній, онъ не признаетъ ихъ не только справедливыми, но даже и законными.

Сколько я замѣтилъ, въ народѣ сильно вкоренено сознание о правѣ вмѣшательства въ дѣла школы. И это право дѣйствительно принадлежитъ ему не только на основаніи здраваго разсудка, который требуетъ, чтобы въ школу постоянно вносились свѣжіе, жизненные элементы, но и на основаніяхъ чисто юридическихъ. Въ юридическомъ отношеніи школа вполне зависитъ отъ общества. Она содержится на счетъ общественныхъ сборовъ, учитель получаетъ содержаніе также отъ общества. Но власть общества не ограничивается только этой, матеріальной стороною, она простирается гораздо дальше. Общество должно бы пользоваться правомъ назначать и отмѣнять учителей. Право это существуетъ не на бумагѣ, но въ сознаніи самихъ мужиковъ. Мнѣ часто случалось слышать отъ нихъ такого рода замѣчанія; «смотри лучше учи нашихъ дѣтей, а будешь худо учить, мы тебѣ откажемъ.» Такія основанія, кажется, достаточно говорятъ въ пользу того мнѣнія, что контроль надъ школой необходимо долженъ принадлежать обществу. Не признавать этого контроля нельзя, потому что онъ существуетъ не только юридически, но фактически.

Проводя въ моей статьѣ мысль, что только дѣйствуя на мужиковъ морально, путемъ убѣжденій, можно достигнуть желаемыхъ результатовъ, я нисколько не настаиваю на этой мысли, не дѣлаю ее обязательною для всѣхъ. Можетъ-быть такой образъ дѣйствій приложимъ только къ моей школѣ, во всѣхъ же другихъ онъ и не мыслимъ. Я даже готовъ отказаться отъ этой мысли, если только, къ сожалѣнію, извѣстные теперь мнѣ факты окажутся въ послѣдствіи ложными или односторонними.

В. Л.